

обливали грязью всю историю России, но особенно много желчи было вылито на послеоктябрьский период российской государственности.

За культурно-политической экспансией последовала экономическая. Лозунг Остапа Бендера – «Запад нам поможет» – затмил здравый смысл у многих даже национально ориентированных россиян. Немаловажный рычаг в руках западных «друзей» – продовольственная зависимость РФ. Сбрасывая в РФ недоброкачественные продукты питания, решая проблему депопуляции населения нашей страны, западные «добродетели» используют продовольственные поставки как сильнейшую экономическую и политическую удавку. Успешно идет реализация рекомендаций Римского клуба, представленных им в ООН. В них четко сказано, что «численность населения России к 2010 г. не должна превышать 50 млн человек»¹⁰.

«Отчетливо просматриваются и цели экспансии – превратить Россию в сырьевой придаток Европы, Америки, Японии; сохранить ее как рынок дешевой, но достаточно квалифицированной рабочей силы, как научно-технический и социально-экономический полигон; использовать её территорию как свалку отходов индустриальной деятельности развитых государств»¹¹, – замечает В.И. Жуков.

Каково будущее России? Этот вопрос задают политики всех стран мира. Во многом ответ на него лежит в жизнедеятельности самой России. Сможет ли она сохранить свой ракетно-ядерный щит, поднять экономику, развить социальную сферу, занять активные наступательные политические позиции, поднять этническое самосознание

всех народов, проживающих в стране, разбудить в них чувство патриотизма, гордости за историю своего Отечества?

В свою очередь эффективное использование уникального политического потенциала, исторического опыта и внутренних возможностей немислимо без политически выверенной и просчитанной государственной стратегии на ближайшую и отдаленную перспективу социального развития страны. Причем ясность целей и задач развития всех сфер жизни общества должна быть не только понятна всем гражданам государства, но и поддержана большинством населения. В противном случае самые смелые и грандиозные начинания будут обречены на неудачу¹².

Примечания

- ¹ Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. 2-е изд, перераб. и доп.: В 3 т. М., 2007. Т. 1. С. 453.
- ² Цит. по: Иванов В.Н., Мальцев В.А., Чартаев М.А. Россия: К тенденциям развития общества и политической власти. М.; Н. Новгород, 1996. С.11–12.
- ³ Жуков В. И. Указ. соч. С.453.
- ⁴ Там же. С. 457–458.
- ⁵ Там же. С. 459.
- ⁶ Там же. С. 459–460.
- ⁷ Ильин И. О грядущей России. М., 1993. С. 116.
- ⁸ Там же. С. 116–117.
- ⁹ Там же. С. 117.
- ¹⁰ Россию приговорили // Правда России. 1997. 3 июня.
- ¹¹ Жуков В.И. Указ. соч. С. 460.
- ¹² Там же. С. 453.

УДК 321.64(574/575)

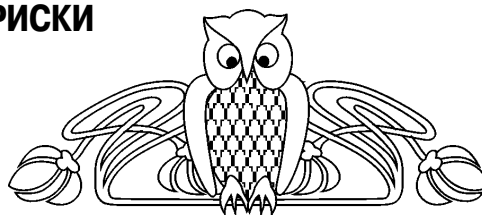
«БАШИЗМ» V.S. «ИМПЕРИЯ»: ПРЕДЕЛЫ И РИСКИ ЭТНАРХИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Д.А. Ванюков, И.В. Нестерова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: jurid@info.gu.ru

В статье рассматривается комплекс взаимоотношений центральноазиатских государств, режим которых определяется как «башизм»/этноархия, с современными глобальными цивилизационными проектами Запада и Востока, а также с региональными державами – РФ и КНР. Внешние угрозы во многом помогают лучше понять внутренние пределы и риски, стоящие перед авторитарно-патерналистскими режимами Центральной Азии и их политическими лидерами – «баши».

Ключевые слова: политический режим, глобализация, геополитические интересы, этнархия, башизм.

«Bashism» v.s. «Empire»: Limits and Risks of Central Asia Ethnarchies

D.A. Vanyukov, I.V. Nesterova

The paper considers the complex of relations of the Central Asia countries, whose regime is named as «bashism»/ethnarchy, with modern global civilization projects of the West and East, and with regional states (Russian Federation and People's Republic of China) as well. Their external threats help in many respects to better understand the

internal limits and risks before the authoritarian-paternalistic regimes of Central Asia and their political leaders («bashi»).

Key words: political regime, globalization, geopolitical interests, ethnarchies, bashism.

Так называемые глобализационные процессы в современном мире рельефно обозначили и сущностно обострили проблему идентичности национальных культур и государств. С легкой руки М. Хардта и А. Негри эти глобализационные процессы получили концептуализированный псевдоним «Империя»¹. Хотя, представляется, не менее имперским, по сути и векторности, является и еще один проект в современном мире, выступающий и позиционирующий себя как альтернативу западному либерально-демократическому «Множеству». Это проект всемирного исламского Халифата своеобразной реинкарнации того гигантского пространства мусульманских ценностей, которое существовало в VII – IX вв.² Халифат – это прямая угроза и безопасности у российских границ (потенциально – и за их пределами), и политической стабильности тех центральноазиатских режимов, сущность которых авторы в той или иной степени связывают с феноменом этнархии, или «башизма», распространенной в форме патерналистской автократии³.

Однако в рудиментарном виде существует и еще одна, уже постимперская модель, связанная с остаточным влиянием в регионе России. И непосредственно через оставшиеся фрагменты своеобразного наследия национально-имперского организма в его и царской, и советской моделях⁴. А также через механизмы и институты панрегиональных международных организаций и блоков: Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического сообщества (ЕвроАзЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Говоря о ШОС, куда входят КНР, РФ, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан (в качестве наблюдателей – Монголия, Индия, Пакистан, Иран), можно обозначить и потенциальный вектор доминирования в Центральной Азии еще одной региональной империи – Китая. Во всяком случае географические карты из школьного учебника истории, по которым учатся в КНР, фиксируют недвусмысленные претензии китайской стороны не только на значительные районы российского Дальнего Востока, но и территории Казахстана и Кыргызстана⁵.

В определенной степени имеющиеся противоречия между США, РФ и КНР помогают центральноазиатским президентам-этноархам использовать их в интересах собственной политической клановой элиты и упрочения режима своей власти. В данных условиях переход центральноазиатских государств с кириллицы на латиницу означал вовсе не демонстративную переориентацию здешних этнархов с России на

Запад, а курс на автономность своих государств в рамках существующих традиций.

Интересный потенциал в процессе символической десоветизации/деруссификации продемонстрировал Таджикистан, где президент инициировал отказ от русской фамильнообразующей лексемы «ов» и стал из Э. Рахмонова – Рахмоном. И все же подобная инициатива может быть декодирована скорее как привычное для характерных в панрегионе властных традиций стремление «сохранить лицо» и показать свою дистанцированность от Москвы. Подчеркнуто национальный таджикский лидер-этноарх Рахмон появился после того, как президент Э. Рахмонов передал в собственность России находящуюся на территории горной страны станцию космического слежения «Нурек» и дал разрешение на появление в Таджикистане российской военной базы на основе 201-й мотострелковой дивизии⁶. Хотя еще в 2004 г. одним из условий подписания нового договора между Москвой и Душанбе выдвигалось неприемлемое для Кремля требование предоставления Э. Рахмонову права в случае угрозы национальным интересам принимать на себя командование той же 201-й дивизией⁷. Российской стороне удалось также переиграть и Тегеран, который с 2005 г. пытается усилить свое геоэкономическое и геополитическое влияние в регионе через предоставление Душанбе льготных кредитов (на сумму более 120 млн долларов) для завершения строительства начатых еще в советское время Рогунской и Сангтудинской ГЭС. Теперь эти стратегически важные гидроэлектростанции попали в зону преимущественных интересов российского бизнеса («Русал») и госкорпораций. Правда, подлинной ценой всего пакета двусторонних договоренностей была реструктуризация и, фактически, списание почти 300 млн государственного долга Таджикистана.

Умение хорошо торговаться ценится здесь не только на традиционном восточном базаре. Центральноазиатские этнархии за время своего независимого постсоветского существования приобрели колоссальный опыт лавирования между глобальной международной империей США и региональными державами с проимперскими амбициями (РФ и КНР). При этом отдается предпочтение не только экономически привлекательным международным проектам, но и партнерам, которые считаются с непосредственными интересами властвующих политических кланов и их лидерами-этноархами и склонны закрывать глаза на не укладывающиеся в «демократический канон» явный авторитарный политический дизайн и административно-манипуляционные ритуалы получения и распределения власти. Так, наблюдатели от ОБСЕ ни разу не признавали легитимными выборы в том же Таджикистане, в отличие от парламентских наблюдателей СНГ и ГД РФ⁸.

Практически всех центральноазиатских этнархов-«башей», как и А. Г. Лукашенко, при-

нято называть «последними авторитарными лидерами» стран СНГ⁹. Хотя в названиях возглавляемых «башей» властвующих партий может быть вынесен статусный оппозиционный концепт авторитаризма — «демократия»¹⁰. Так, созданная Э. Рахмоновым партия называется Народно-демократической, а Г. Бердымухаммедов наследовал власть в Туркменистане вместе с лидерством в созданной Туркменбашей Демократической партией — единственной легальной политической силой в стране.

Наличие демократических выборов процедур, однако, не влияет на авторитарную сущность режимов: Туркменбаша постулировал свой пожизненный властный статус, И. Каримов, Э. Рахмон (ов), Н. Назарбаев поправками к конституциям обеспечили себе практически тот же статус, ограниченный не столько законом, сколько доброй волей самих этнархов. Отказ же президента Киргизии А. Акаева менять Основной Закон для пролонгации своих полномочий был воспринят как сигнал утраты сакрального властного статуса и правящей элитой, и оппозицией, которая постоянно приписывала А. Акаеву окончательный отход от демократических принципов организации национального пространства¹¹. Фатальную для клана Акаевых роль в «тюльпановой / маковой» революции сыграла даже не поддержка со стороны западных фондов и политических центров¹², а выбранный президентом еще на излете «перестройки», не без оглядки на феномен «Горби», ориентированный на международное признание Глобальной империи политический имидж мудрого реформатора. Вот только с образом «мудрого отца народа» Кыргызстан был готов мириться, а с ипостасью вызывающего восторги Запада¹³ отступника от традиций нет: ведь добровольный отказ от президентства в рамках патерналистской автократии — это отказ «отца народа» от своих «детей/сограждан/подданных».

Западная дипломатия до сих пор не уловила значение и роль традиционалистских, реарханизированных правил политической игры, которые установились в регионе. Так, председательствующий в ОБСЕ министр иностранных дел Испании М. А. Моратинос встретился со вторым президентом Киргизии К. Бакиевым и достаточно успешно провел переговоры о возможностях испанских инвестиций для местного рынка. Но все договоренности оказались под ударом, когда М. А. Моратинос встретился с лидером непримиримой киргизской оппозиции Ф. Куловым¹⁴. Шаг, вполне оправданный и даже ожидаемый в рамках западных либеральных представлений и демократических процедур, в этнархиях рассматривается как покушение на моноцентрическую модель организации власти, как подрыв статуса «башей» — единственного законного воплощения национального могущества и влияния.

Потенциальное умаление собственного политического статуса и лица этнархов (западные

политические технологии здесь, как показал опыт А. Акаева, не работают) похоронило еще на стадии проекта разработанную Госдепартаментом США модель «Большой Центральной Азии» (БЦА), которую госсекретарь К. Райс пыталась продвинуть во время своего центральноазиатского вояжа в 2006 г. По мысли идеологов и практиков Рах Americana, БЦА вытеснит в панрегионе организации и блоки с участием России и Китая. Обещанное содействие «в получение доступа к кредитам экспортно-импортного банка США» и «поддержку Соединенными Штатами при вступлении в ВТО»¹⁵ нейтрализовались другими «демократично-культуртрегерскими» положениями проекта: реформа налогообложения, организация налоговых систем (подразумевалось, при прямом содействии и контроле американских экспертов) и предотвращение конкуренции негосударственных организаций с частным сектором. К тому же в рамках БЦА политический центр принятия стратегических решений должен был переместиться в контролируемый (в военно-политическом отношении) Соединенными Штатами Афганистан. А потенциально это означало и огромный риск полномасштабного включения постсоветских этнархий в царящую в Афганистане наркоэкономику, которая при американском контроле реально только выросла и окончательно превратилась в глобальную международную угрозу¹⁶.

Фактически отвергнутая этнархиями постсоветской Средней Азии (во всяком случае, нынешней генерацией) американская идея «Большой Центральной Азии» увеличивала также риски дальнейшего обострения отношений этих мусульманских, но светских режимов с радикально-панисламистским проектом Халифата. Этнархи «башей» достаточно последовательно позиционируют себя как чтущих Аллаха современных Халифов¹⁷, но поступаться собственной властью и статусом в пользу виртуальной, по сути, исламской империи — Халифата — не собираются.

Достаточно жесткое подавление режимом И. Каримова инспирированных радикальными исламистами волнений в Андижане в мае 2005 г. — убедительное тому свидетельство. В отличие от мирового сообщества политика И. Каримова была незамедлительно поддержана российским руководством, менее всего озабоченного перспективами демократической трансформации патерналистских автократий, а более — безопасностью своих границ и стабильностью в регионе. Тем более что террористы — активные проводники и агенты проекта «Халифата» — выступают, по сути, с сепаратистским проектом шариятского государства в Ошской долине, что затрагивает национальные интересы сразу Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и их лидеров — «башей»¹⁸.

Потенциальная опасность использования ислама в качестве основного легитимизатора режимов этнархий и их предводителей заставляет «башей» обращаться не столько к фактору веры,

сколько к мифологизированному национальному прошлому. При этом отсвет легендарных автократов древности, усиленно воевавших с империями минувших веков и возглавлявших достаточно сильные по сегодняшним меркам «региональные державы», должен был ложиться на властный статус и образ современных этнархов. Так, в Таджикистане на рубеже столетий праздновали 1100-летие государства Саманидов, стоявших во главе «Средневосточного Возрождения» и давших человечеству Закарию Ар-Рази и Хоразми, Фараби и Рудаки, Бируни и Авиценну, Дакики и Фирдоуси¹⁹. При этом у президента Э. Рахмонова получился знак равенства между Саманидами, положившими на время конец распрям в Средней Азии, и им самим, вышедшим победителем из гражданской/клановой войны в Таджикистане.

Еще дальше в своем «классическом» двухтомном сочинении «Рухнама» зашел Туркменбаши. Он не только сделал себя «отцом всех туркмен», но и свой народ провозгласил «отцом всего и всех» – от колеса и металлургии до демократии²⁰. Своим непосредственным великим предком он объявил Байрам-Хана Туркмена²¹. А вот проведение не без помпы в Бишкеке А. Акаевым празднования 3000-летия Оша как напоминание и обещание «золотого века» тюркского мира²² лишь сплотило в самой Ошской долине политических противников президента А. Акаева – исламских сепаратистов, агентов проекта «Халифат».

Празднование 1100-летия Саманидов или 660-летия Амира Тимура (событий, оставшихся почти незамеченными российской прессой и аналитиками) демонстрировали и еще одну символически оформленную интенцию политических режимов этнархов – претензию на оформление династичности. Однако здесь, скорее, вырисовываются перспективы не столько передачи власти детям нынешних этнархов, сколько закрепления руководящих прерогатив не за семьей, а за политическим кланом «баши». Собственно, это уже и случилось в Туркменистане. Ну, а перспективы «наследниц» Н. Назарбаева и И. Каримова выглядят и вовсе сомнительными из-за патриархальных основ здешней цивилизации, где женщина просто по определению не может быть «баши» – политическим «отцом нации».

Как ни парадоксально, но центральноазиатские этнархии представляют сегодня реконцептуализированное «переиздание» классических национальных государств. Тех самых, права которых на государственную идентичность и территориальный суверенитет подвергаются эрозии в рамках глобального западного проекта Империи-Множества и подвергаются прямым атакам в рамках глобального панисламского проекта Халифата. В этих условиях, возможно, цивилизационные проекты с участием России, уже в силу своего генезиса²³, могут выглядеть для стран Центральной Азии как «привычное», а значит «приемлемое зло». Вопрос в том, сумеет

ли воспользоваться данным обстоятельством современная российская дипломатия.

Примечание

- ¹ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 6, 18–19, 78. Теория уточнена и дополнена в следующей работе тех же авторов «Множество», но и там подчеркивается, что курс на империю остается мировой тенденцией. См.: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 3.
- ² См.: Ключников Б. Исламизм, США и Европа: война объявлена. М., 2003. 240 с.; Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007. С. 197; Бабакр Х. Хуже нефти могут быть только алмазы // Независимая газ. 2004. 27 сент.; Панфилова В., Тодуа З. Амиры рвутся к власти. Исламские фундаменталисты готовят прорыв в Центральной Азии // Независимая газ. 2005. 20 апр.
- ³ Ванюков Д.А., Нестерова И.В. Этнархия: феномен посткоммунистических режимов Центральной Азии // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 2008. Вып. 14 (в печати).
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М., 2003. С. 331–334.
- ⁶ См.: Мухин В. Россия создает крупную военную базу в Центральной Азии. Таджикистан будет центром геополитических интересов России на юге Содружества // Независимая газ. 2003. 21 мая.
- ⁷ См.: Лузянин С.Г. Восточная политика... С. 241.
- ⁸ См.: Панфилова В. Рахмонов опять вне конкуренции // Независимая газ. 2006. 4 сен.
- ⁹ См.: Салимов С., Мазаева О. Лекарство от революции // Независимая газ. 2005. 19 мая.
- ¹⁰ Еще одной референтной моделью для правящих политструктур панрегиона была, собственно, не организация, а национальный пафос, вынесенный в название партии С. Берлускони «Вперед, Италия!» – «Алга, Кыргызстан!» («Вперед, Киргизия!»).
- ¹¹ См.: Гордиенко А. Аскара Акаева попросили остаться // Независимая газ. 2003. 30 сен.; Панфилова В. Акаев уходит, а его сосед Рахмонов решил остаться // Независимая газ. 2005. 28 фев.
- ¹² См.: Лузянин С.Г. Восточная политика... С. 227; Куртов А. Киргизия: пожар на острове стабильности не был случайным // Независимая газ. 2005. 28 марта.
- ¹³ Во все киргизские, да и российские СМИ попал отзыв на книгу президента «Переходная экономика Кыргызстана глазами физика» президента Давосского форума К. Шваба: «Автор такой книги должен возглавлять МВФ!». См.: Мурзахмедова Г. Политик с харизмой ученого // Независимая газ. 2000. 21 окт.
- ¹⁴ См.: Чекрыгин С. Европейцы зачастили в Среднюю Азию // Независимая газ. 2007. 17 апр.
- ¹⁵ См.: Лузянин С.Г. Восточная политика... С. 195.
- ¹⁶ См.: Шурыгин В. Затянувшийся «блиц-криг». США в Средней Азии: что дальше? // Завтра. 2002. № 42.

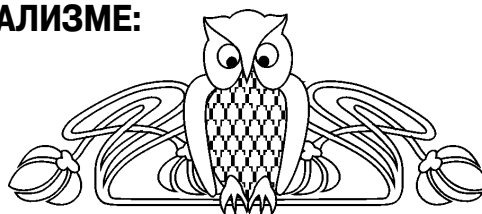
- ¹⁷ См.: Ванюков Д.А., Нестерова И.В. Указ. соч.; Нестерова И.В. Трансформация политических режимов стран Центральной Азии: исламский фактор // Политические проблемы современного общества. Саратов, 2008. Вып. 9 (в печати).
- ¹⁸ См.: Панфилова В., Тодуа З. Указ. соч.; Лузянин С.Г. Горячая смесь из политики и криминала. Промежуточные итоги тюльпановой революции в Киргизии // Независимая газ. 2005. 28 нояб.
- ¹⁹ См.: Рахмонов Э. Тысяча лет в одну жизнь // Независимая газ. 1999. 31 авг.
- ²⁰ См.: Туркменбаши С. Рухнама. Ашхабад, 2005. С. 19, 33–34, 44.
- ²¹ См.: Марков В. Феномен Туркменбаши // Независимая газ. 2000. 23 дек.
- ²² См.: Акаев А. Чудесный древний оазис шелкового пути. Размышления в преддверии празднования 3000-летия Оша // Независимая газ. 1999. 30 сен.
- ²³ См.: Ванюков Д.А. Эпоха застоя. М., 2008. С. 84.

УДК [342.24:329.051] (470+571)

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» О РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.В. Трофимова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: jurid@info.gu.ru

В данной статье проведен анализ программных документов партии «Единая Россия». Рассматривается видение партией состояния российского федерализма и перспектив его развития; оценивается степень влияния «Единой России» на развитие федерализма в нашей стране.

Ключевые слова: партия, федерализм, федеративное государство, федеральная политика, федеральные отношения.

Yedinaya Rossiya Party about Russian Federalism: Status and Outlook

O.V. Trofimova

The paper analyses the program documents of the Yedinaya Rossiya party. The party's vision of the Russian federalism status and outlooks of its development is examined; the degree of the party's influence on federalism development in our country is estimated.

Key words: party, federalism, federal state, federal policy, federal relationships.

Двадцатый век называют «веком федерализма». Именно на это столетие приходится резкое увеличение числа федеративных государств и расцвет федерализма, его идей и принципов. По Конституции 1993 г., Российская Федерация есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления¹.

Федеративное государство – это неотъемлемое качество демократии государства. В свою очередь обязательным критерием демократии является партийная система. От качества партийной системы напрямую зависит прочность и эффективность федеративного государства. Политические партии в федеративном государстве играют роль своеобразных скрепляющих механизмов всего федеративного политического пространства.

В современной России существует многопартийная система и ведущую роль в ней играет партия «Единая Россия». В рамках данной статьи анализируется состояние российского федерализма в программных документах партии, а также перспективы его развития. За время своего существования «Единая Россия» провела восемь съездов; имеет свою программу, устав, манифест, символику. Помимо этих источников, мы исследовали также точки зрения лидеров «Единой России», стратегию партии, проекты. Основные направления стратегии, которую предлагает обществу «Единая Россия», заданы в Программном заявлении 2003 г. Этот документ прошел обсуждение в региональных отделениях партии и получил поддержку.

Партия «Единая Россия» утверждает, что «формирует свои предпочтения в области совершенствования федеративных отношений в строгом соответствии с Конституцией Российской Федерации, исходя из основополагающих задач обеспечения единства и целостности страны»².

Важный аспект федерализма, характеризующий его положительный смысл, – это органическая связь федеративного устройства государства с демократическим политическим режимом. Федерализм тяготеет к демократическим методам осуществления власти, к использованию переговорного процесса, тщательному учету интересов, открытости³. Укрепление именно демократического государства является первоочередной задачей партии. Единороссы утверждают, что они «положили начало подлинной демократии»⁴.

Программа партии определяет Российскую Федерацию как «федеративное государство, в котором стабильно развиваются межэтнические отношения, обеспечена финансовая самостоя-